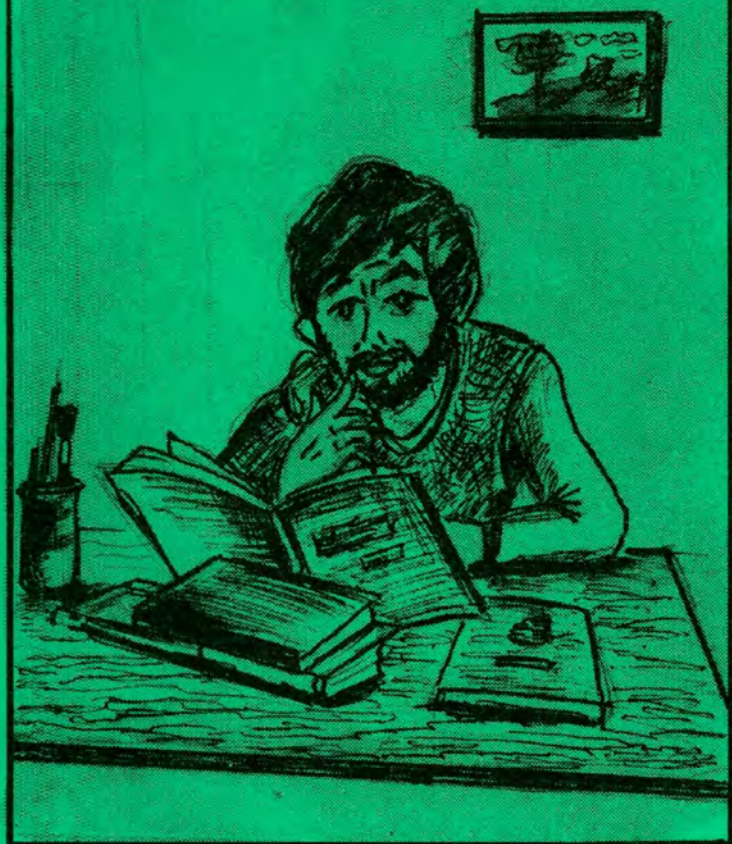

СЕРГЕЙ ТОПОРОВ

ПОЛОСЫ ЖИЗНИ

РАССКАЗЫ

Желанию
счастливого прожить,
не волноваться, не грустить,
А главное - счастливым быть

Зав. библиотекой, ОИ авиара

Колдурь 2009г

Колдурь

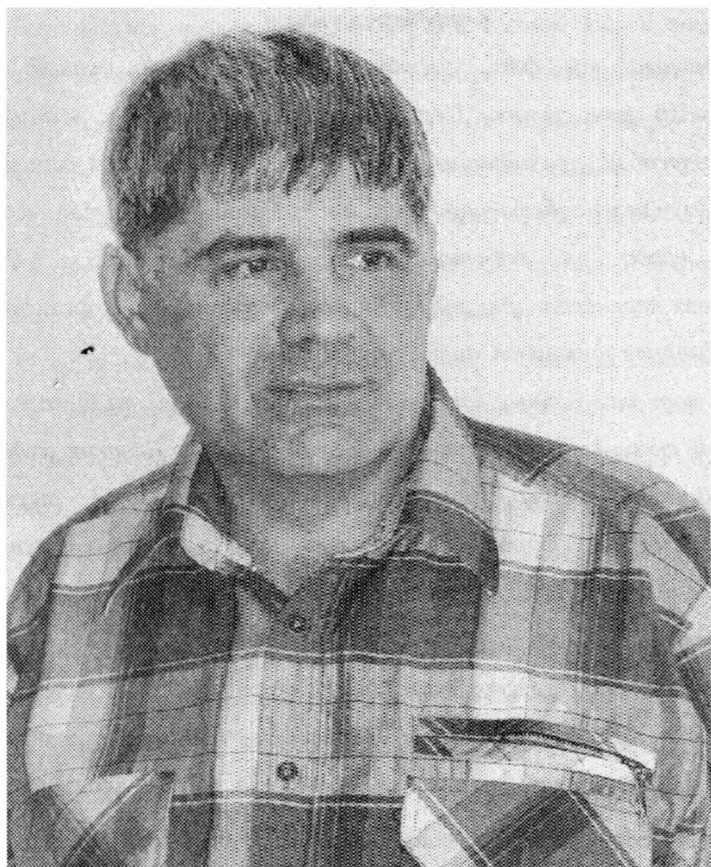
СЕРГЕЙ ТОПОРОВ

ПОЛОСЫ ЖИЗНИ

рассказы

Омск

2006

которая заверила этот документ. Михаил Кузьмич на всякий случай решил отправиться туда за разъяснениями. Вдруг это какое-то недоразумение. Нельзя же так просто лишиться в одночасье всего на свете.

Заведующая нотариальной конторой подтвердила, что да, соседка теперь имеет полное право на владение этим домом. То есть не прямо сейчас, а спустя полгода после смерти хозяйки. Если за это время не найдутся другие родственники, то документ вступит в силу. Михаил Кузьмич махнул рукой: какие родственники? Детей у Люси не было и у него тоже. Некому больше претендовать. А дальние родственники не в счёт.

- Да я в суд подам! - вспыхнул Михаил Кузьмич.

- На кого? - резонно ответила заведующая нотариальной конторой. - Всё сделано по закону. Не по-человечески, конечно. Видимо, у вашей супруги был какой-то резон подписать дом вашей соседке. Это просто так не делается.

- Да она ставила уколы моей Люсе, у неё был сахарный диабет. Надо было колоть инсулин два раза в день строго по часам, в восемь утра и восемь вечера, иначе - летальный исход, нельзя прерывать ни на день. Сама себе она не могла ставить уколы, я тоже не мастер в этом деле. Вот и выручала соседка, до пенсии она работала медсестрой. Наверное, и подобралась под эту марку к чужому имуществу. Надо же так войти в доверие! Даже я ничего не знал, всё в тайне...

Не в первый раз на глазах у заведующей нотариальной конторы разыгрывалась трагедия. Но здесь был особым случай. Из ряда вон выходящий. Ладно, где-то в Москве, где квартиры на вес золота, орудует целая мафия. Находят пожилых одиноких владельцев бесценных

квадратных метров в престижных районах. Потом эти люди бесследно исчезают, а после них остаётся дарственная на случайных лиц, которых они и в глаза не видели.

Но здесь-то нет никакого криминала. Документ составлен по всем правилам. Непонятно только, почему женщина так поступила с собственным мужем. Не по злобе же. Жили все-таки нормально. Теперь не у кого спрашивать о причинах.

Заведующая нотариальной конторой в приоткрытую дверь разглядела, что в коридоре скопилась целая очередь посетителей, все стулья заняты. Но она не торопилась отделаться от сидевшего напротив старичка, поминутно отирающего лоб скомканным платочком. Действительно, ему не позавидуешь. Куда ему теперь податься?

- Знаете, что я вам могу посоветовать, - задумалась заведующая. - Обратитесь в какую-нибудь фирму недвижимости, может, что подскажут...

Михаил Кузьмич, пресымая боль в ревматических суставах, отправился в ближайшую фирму, занимающуюся куплей-продажей квартир. Там ему посоветовали найти хорошего адвоката.

- Сколько он берет за услуги?

- Примерно тысяч пять.

- У меня нет таких денег, - вконец расстроился незадачливый посетитель. - Пенсия две тысячи, едва хватает до конца месяца...

II

Вернувшись домой, Михаил Кузьмич стал бесцельно бродить по пустым комнатам, не находя себе места. Этот дом за тридцать лет он буквально переделал. Постоянно что-то латал, заменил съеденный

грибком пол, перекрыл прохудившуюся крышу, заново переделал водяное отопление, выбросив старые ржавые трубы. Если бы не эти постоянные усилия, дом бы давно рухнул. И теперь он, куда ни посмотрит, всюду видел приложение собственных рук.

Машинально оказавшись в коридоре, Михаил Кузьмич искательно ошарил взглядом оббитые филёнкой стены, горшочки с цветами на окне и его взор застыл на боковой двери, ведущей в пристройку. Открыв дверь, он в тапочках ступил на желтые, пахнувшие сосновой смолой стружки. Здесь он в своё время оборудовал столярную мастерскую, где поставил пилораму, наждак и даже списанный токарный станок, на котором можно было вытачивать скалки и другие круглые вещи. Ещё в советское время он стал заниматься изготовлением всякой домашней утвари на заказ. Делал деревянные умывальники, вешалки, столы, разделочные доски, филёнчатые двери, оконные рамы, ящички для рассады. Ходил по частникам, помогая строить баньки, устанавливать ставни, настилать полы.

Одно время повадился к нему тщедушный мужичонка из финотдела. Пройдёт в мастерскую и начинает всё тщательно рассматривать, хоть прячь все заготовки. Видно, кто-то из заказчиков донёс на него или слышали, как гудит пилорама. Только этот гусь всё время начинал свои специфические разговоры:

- Вот вы занимаетесь индивидуальной трудовой деятельностью. Вы же не бесплатно работаете и не за магарыч? Значит, имеете определённый доход с этого. В таком случае, чтобы всё было законно, вам необходимо оформиться в финотделе. То есть взять патент, можно на квартал, а можно на целый год. Разок заплатите, и работайте на здоровье.

- Но у меня же нет постоянных заказов. Сегодня что-то попросили сделать, а потом два месяца без работы. Я же не изготавливаю что-нибудь на продажу. Только если кто-то попросит. И никогда не знаешь наперёд, будет ли завтра работа.

- Но вы же не первый год этим занимаетесь, - возражал ему непрошенный гость. - Значит, имеете материальную заинтересованность. К примеру, вы не пробовали подсчитать, сколько за год получается дохода. В среднем...

"Ишь, куда подбирается!" - опасливо думал Михаил Кузьмич. Он всячески уклонялся от прямого ответа, мол, трудно подсчитать все затраты на материал, а он никогда специально ничего не подсчитывал.

В придачу ко всему Михаил Кузьмич освоил профессию жестианщика. Стал делать из листовой оцинковки вёдра, бачки для умывальников. Раз фининспектор особенно сильно допек его. Пришёл с блокнотом и стал в него дотошно записывать количество обнаруженного в мастерской пиломатериала. Потом спросил, указывая на широкую обрезную доску:

- Сколько из этой доски можно сделать вещей? Допустим, если изготавливаете умывальник...

- Если распустить на пилораме, получится два умывальника, - без затей ответил Михаил Кузьмич.

- Два умывальника! - воскликнул фининспектор и снова стал вести скрупулёзные подсчёты в своём блокноте. - Один умывальник в мастерской быткомбината стоит тридцать шесть рублей. Вы, наверное, продаёте не дешевле, так как за ними очередь, в свободной продаже их почти не бывает. Значит, из одной такой доски можно извлечь выгоду в семьдесят два рубля. А вы ещё не хотите брать патент...

- Как вы легко считаете! - возмутился Михаил Кузьмич. - А бачок? Железо стоит дорого. Его ещё спаять надо, чтобы не протекал, сколько олова уйдёт... А потом купить кран, резиновую трубку, краску, наконец. Да и зачем мне оформлять трудовую деятельность, если я на пенсии?..

Фининспектор, не слушая его, стал высчитывать стоимость перечисленного им, и тогда Михаил Кузьмич взорвался:

- Вам что, взятка нужна? Так бы сразу и сказали!..

Инспектор стусевался:

- Я получаю зарплату...

И поспешил удалиться, не в силах скрыть собственного конфуза.

Вскоре началась перестройка, и от Михаила Кузьмича отстали...

III

На старика навалилась бессонница. Он часами лежал в полной темноте с открытыми глазами, прислушиваясь к редким приглушенным звукам за стенами: то прогремит вдали за лесополосой товарняк, то займётся в лае соседская дворняга, то просвистит в телеантенне на крыше внезапный порыв ветра. Раньше эти звуки не казались ему зловещими, а теперь в одиночестве его пугал каждый шорох. Но особенно давила на психику неопределённость положения, в котором он оказался. Сознание отказывалось воспринимать этот факт. Старик смотрел на тусклый потолок, на силуэты обстановки спальни и не мог смириться с мыслью, что это всё ужасно очужело, теперь он не имеет к этому никакого отношения. Ни к единому гвоздю, что он здесь забил.

Временами калейдоскоп воспоминаний вытеснял эти тягостные думы, вытаскивая из прошлого какие-то значимые узлы, которые никогда

не покроются прахом забвения, только лишь с его смертью. Он вспомнил, как за неосторожное слово угодил на Колыму. Тогда с лёгкостью раздавали круглые сроки - десять лет. И это ещё не считалось катастрофой, если сравнивать с другими сроками. Вот священник Агафон схлопотал четвертак. Вряд ли бы он осилил такой срок на тяжелых, изнурительных работах. Но он своей негиблемостью укоротил свой жизненный путь. Лагерное начальство прознало, что в его бараке собираются группки людей, тянущихся к Божьему слову. Священник на память цитировал страждущим слова священного писания, старался укрепить дух попавших в беду людей. В один прекрасный день его вызвали к начальнику лагеря. Тот начал давить на него:

- Зачем собираешь в своём бараке людей, мутишь воду?

- Люди приобщаются к религии, - стал пояснять священник.

- Вот ваша религия! - зло указал начальник лагеря на портрет Сталина.

- Это дьявол, - не выдержал священник.

Начальник не решился учинить расправу над строптивцем в собственном кабинете. Но зеки поняли, что такое не пройдёт Агафону даром. И он просто исчез.

Однако в лагере началось брожение. Ждали, что в зону переведут вора в законе и тот устроит массовые беспорядки в знак протеста. Вора не дождалось, и началась стихийное неповиновение. Охранники отловили зачинщиков. В их число попал и Михаил. Ему добавили срок как пособнику Агафона, что и было зафиксировано в обвинительном заключении.

Сколько сломанных судеб прошло перед его глазами! Был у него на зоне один товарищ Павел, который мало с кем общался, старался быть

как можно более незаметным. Он угодил сюда как изменник Родины. В войну попал в плен к немцам. Его направили на тяжелые работы в док. Занимался погрузкой-разгрузкой кораблей. После того, как Германию разгромили, некоторое время продолжал работать докером в американской зоне. Таких, как он, должны были интернировать в Россию. Павел слышал, что чаще всего пленные попадают под репрессии. Он решил бежать за океан. При погрузке одного из кораблей его вместе с другом Семёном заложили мешками. Двое суток они не подавали признаков жизни, пока не поняли, что уже должны находиться в нейтральных водах. Потом предстали перед изумлёнными американскими матросами.

Так они и прибыли вместе с командой в порт назначения. Поначалу ими заинтересовалась контрразведка. Досконально и многократно опросили, а потом отпустили на все четыре стороны.

Беглецы не представляли, чем дальше будут заниматься, но на своё счастье познакомились с бывшим белогвардейским офицером, у которого была небольшая кожевенная фабрика. Он взял их к себе на работу, хорошо к ним относился, разрешил жить в подсобном помещении, пока не оперятся на новом месте.

Через какое-то время Сталин издал указ, по которому всем невозвращенцам предлагалось вернуться на Родину. Гарантировалась амнистия. Павел засобирався в дорогу, а более осмотрительный Степан решил повременить. Он собирался жениться и ждал американского гражданства. "Вот когда у меня будет гражданство, тогда я приеду в гости в Россию, - сказал он. - Америка умеет защищать своих граждан".

А Павла ждали многочисленные родственники. Набив чемоданы подарками, он прибыл в Россию. Его тут же арестовали и отобрали все

подарки. Суд состоялся очень быстро - через два дня. И его прямиком этапировали на Колыму. Он так и не дожид до конца срока.

Михаилу Кузьмичу удалось выжить в гибельных условиях. После смерти Сталина его реабилитировали. Уже в годах он встретил свою Люсю и сошёлся с ней. И вот его снова как обухом по голове - таким завсщанисм...

Не мог он уразуметь, почему Люся даже не посоветовалась с ним. А ведь собирались расписаться.

Лишь под утро старик проваливался в сон, ожидая, что назавтра эта беда изыдет, испарится, окажется приснившейся...

IV

В полдень Михаилу Кузьмичу позвонили в дверь. Он увидел за калиткой незнакомого человека в кожаном плаще располагающей наружности. Ему было лет за пятьдесят - в сыновья годился.

- Я слышал, что у вас неприятности, - сразу начал незнакомец. - Я занимаюсь недвижимостью, у нас с женой небольшая фирма. На днях я заходил в «Сибиряк» куда вы обращались. Там одна сотрудница рассказала вашу историю и попросила меня помочь, если смогу. Дала ваш адрес. Сказала, что вас хотят обмануть.

- Проходите, - воспрянул духом старик от такого участия посторонних людей. Всё-таки не захотели оставить его один на один с бедой.

- У некоторых людей сложилось мнение, что в недвижимости работают одни аферисты, - говорил на ходу незнакомец, назвавшийся Борисом Шульгиным. - Иногда бывает обидно, когда видишь недоверие. Мы с женой десять лет назад открыли фирму, работаем честно.

Расскажите, что произошло. Не обязательно заходить в дом. Давайте посидим здесь в беседке. У меня ноги гудят, я уже набегался сегодня...

Они уселись на лавочках в беседке за дощатым столиком друг напротив друга. Ничего нового хозяин не рассказал, всё это Шульгин уже слышал с чужих слов. Он сказал:

- Я нашёл вам адвоката подешевле - за три с половиной тысячи..
Мой знакомый.

- Я не смогу найти такую сумму, честное слово, - старик приложил руку к сердцу.

- Наша фирма заплатит за вас, - успокоил старика гость.

- А вам что за резон заниматься этим? - не совсем понимал старик такую благотворительность, ожидая и здесь какого-то подвоха.

- Мы вам просто одолжим эту сумму, а после процесса вы нам её вернёте без всяких процентов. У меня здесь нет никакого интереса, вы не бойтесь. Просто меня попросили, да я и сам возмутился этим. Я целый день бегаю по объектам, а ваш дом оказался по пути.

Старик изучающе смотрел на гостя. На душе как-то полегчало, но сомнения не рассеялись. Он так и не понял, чем же ему конкретно могут помочь. В это время в калитку прошла соседка Соломиха и бесцеремонно спросила:

- А это кто такой?

- Мой адвокат, - солгал старик, чтобы малость припугнуть свою разорительницу.

- Что-то слишком много у тебя появилось совстчиков, - недовольно процедила Соломиха. Было в её дородной фигуре и дребезжащем голосе что-то отталкивающее. Шульгин смотрел на её бурки, измазанные свежим коровьим навозом, в душе его поднималась

неприятно, что эта неопрятная халдейка уже чувствует себя здесь хозяйкой, не испытывая при этом никаких угрызений совести.

- А со мной что собираешься делать? - недружелюбно спросил Михаил Кузьмич.

- Определю в дом престарелых. Я обещала Людмиле. Она переживала, что тебе будет трудно управляться с хозяйством. Конечно, отдельную комнату тебе не дадут, придётся жить с кем-то на пару.

- Отдельную комнату дают, если дом завешан инспекции соцстраха, - пояснил гость, выказывая знание законов.

Соломиха потревожено посмотрела на него: вот ещё законник объявился! И потопала восвояси, видимо, удовлетворив своё любопытство.

- Да-а! - только и смог произнести гость. - Ситуация!..

- Ну и чем может подсобить твой адвокат? - вернулся к больной теме старик.

- Он сказал, самое большее отсудит полдома. Надо собрать показания свидетелей, что вы прожили в этом доме столько лет, ремонтировали его, делали пристройки. Такие бумаги пригодятся на суде.

- Значит, дом всё-таки не отстоять, - обречённо опустил голову старик, поблёскивая трёхдневной сединой на щеках. От расстройства он забывал побриться, хотя каждый день собирался. - Что же ты, Люся, наделала?..

- Это максимум, что можно предпринять. - разъяснял Шульгин. - Дом придётся продавать, полсуммы за него достанется вам. Если хотите, наша фирма может заняться продажей вашего дома, или обратитесь в тот же «Сибиряк».

- На эти деньги разве купишь новое жильё? - вскинул на гостя старик переполненные болью глаза. - Да ещё эти суды... Знаете, мил человек, спасибо вам за заботу и участие, но я не согласен.

- И что же вы будете делать? - не понял Шульгин. - Махнёте на всё рукой?..

- У меня уже нет сил заниматься этой канителью. Я сделаю проще. Куплю две канистры бензина, сожгу соседкин и свой дом. И себя тоже. Мне нечего терять, я уже пожил...

Это было выдохнуто столь буднично и твёрдо, что Шульгин понял: так и сделает. Старик весь ушёл в себя и даже не проводил гостя до калитки.

На улице Шульгин остановился в нерешительности за тесовыми воротами старика. Как сейчас идти домой? Он ничем не смог помочь человеку, а тут такое назревает. Надо хоть предупредить кого из соседей. Шульгин дождался, когда из дома напротив вышел какой-то мужичок и рассказал ему всё, попросив на всякий случай присматривать за домиком гордого старика, не захотевшего заниматься унижительной волокитой.

V

Весть о намерениях Кузьмича быстро разнеслась по округе. Все и так сочувствовали деду, оставшемуся на бобах. А тут такое дело. Неужели он способен сжечь самого себя? Не каждый на такое решится. Молодцом! Но надо следить, чтобы не допустить этого. Жаль человека. Не Соломиху, а сго.

Два дня Михаил Кузьмич не показывался на улице, и соседи заволновались. Пошли по домам, собрали всех, кто был, и направились к деду. Позвонили в калитку - никто не отвечает. Кто-то перелез через

забор, отодвинул засов. Всей толпой двинулись к веранде. Стали стучать в стёкла - опять безответно.

- Надо выбить вот это стекло и открыть изнутри дверь, - заволновались собравшиеся.

Кто-то саданул кулаком по стеклу. Потянулись рукой, нашарили запор, открыли дверь. Михаила Кузьмича нашли лежащим в прихожей у порога. Перевернули лицом вверх - живой.

- Что случилось, Кузьмич? Тебе плохо?

- Ноги и руки не слушаются, - через силу ответил старик спекшимися губами. Он весь оброс щетиной.

- И сколько ты здесь лежишь?

- Второй день. Собирался сходить на заправку, потемнело в глазах и вот теперь даже не могу пошевелиться...

Только тут вошедшие заметили стоявшие у стены две канистры. Дед действительно собирался прикупить бензина.

- Наверное, разбил паралич, - шепнула одна из женщин, они лучше мужиков разбираются в медицине, это у них с рождения.

Вызвали "скорую помощь". Медработники уложили безвольного Кузьмича на носилки, подтвердив диагноз.

Когда старика увезли, народ стал расходиться. Кто-то остался закручивать проволокой входную дверь веранды, чтобы не проникли воры. За соседским штакетником привидением маячила фигура Соломихи. Она не решилась присоединиться ко всем и наблюдала за происходившим со стороны. Один из мужиков подошел к соседской оградке и сказал прямо в лицо Соломихе:

- Не успел тебя сжечь Кузьмич. Мы тебя спалим...

VI

Заведующая нотариальной конторой, повесив свой плащ на вешалке в углу кабинета и поправив перед зеркалом причёску, начала присм. Эту раннюю посетительницу она сразу узнала профессиональным взглядом, выработавшимся с годами. На неё в прошлом году оформлялось завещание на дом. Потом приходил старичок, который там прописан, и теперь всё потерял согласно воле жены. Надо было всё-таки тогда предложить, чтобы при оформлении завещания присутствовал и он. Теперь выясняется, что он не был в курсе. Разве так делается? А сегодня явилась эта новая владелица дома. Что они забегали?.. И смотрит как-то заискивающе, виновато...

- Слушаю вас, - официальным тоном произнесла заведующая.

- Моя фамилия Соломиха. Вот завещание на моё имя по поводу дома на улице Кропоткина.

- Ну и что вы хотели?..

- Я бы хотела отказаться от наследства в пользу Михаила Кузьмича Северцева. Сколько это будет стоить?

Заведующая стала доставать из стола нужные бланки.

Байки художника-оформителя

ВОЖДЬ ПЛЕМЕНИ МУМБА-ЮМБА

В так называемые застойные времена очень пестовали показуху, отдавая безмерную дань наглядной агитации. Стенгазеты заставляли выпускать даже в самых малочисленных коллективах – ко всем знаменательным датам и праздникам. Изводили тонны ватмана и километры цветных карандашей и фломастеров.

Наверное, не будет большой натяжкой сказать, что самым тиражируемым художниками-оформителями было изображение Владимира Ильича Ленина, обычно до предела стилизованное. Редко какой стенд обходился без этого. В связи с этим припоминается забавный случай из моей практики.

Я работал оформителем много лет и порой случались настоящие авралы. Накануне всевозможных съездов и конференций приходилось буквально ночевать в мастерской, так как над душой стояли уполномоченные отдела пропаганды и агитации райкома партии.

Однажды нас с Оразом пригласили на Сергеевский пивзавод изготовить огромный стенд к какому-то торжественному случаю. Я загрунтовал стенд, а когда краска высохла, к делу подключился Ораз. Естественно, центральной деталью стенда должно было стать изображение чеканного профиля Ленина.

Желая потрафить нам, руководство предприятия закрывало глаза на то, что можно было пользоваться бесплатных угощением. Оно находилось совсем рядом – в соседнем помещении стоял объёмистый танкер с непроцеженным пивом.

Ораз время от времени прикладывался к кружке. Я особенно не волновался, мой напарник напоминал великана и спить его было мудрено.

В процессе работы Ораз так увлёкся походами в соседнее помещение, что всё-таки вошёл в состояние беспричинной эйфории, а его поступь утратила уверенность.

Уже поздней ночью мы управились со стендом, пора было отправляться восвояси. На проходной у Ораза отобрали банку пива, которую он прихватил с собой.

Наутро раздосадованный директор предприятия чуть свет разбудил меня телефонным звонком:

– Вы хоть видели сами, что нарисовали? Вы, наверно, рисовали с закрытыми глазами...

Директор потребовал немедленно явиться на завод. Вместе с Оразом мы приехали на предприятие. Каково же было наше удивление, когда на нашем стенде, который вчера нам казался вполне удавшимся, мы увидели, что вождь мирового пролетариата скорее напоминает какого-то вождя племени Мумба-Юмба, не обременённого интеллектом, что легко читалось каждым зрителем в очертаниях его, мягко сказать, лица. Мы недоумевали; неужели это наша работа?..

Пришлось снова браться за кисть и переправлять изображение, придавая ему более правильное портретное сходство...

ЕЗДА НА МЕСТЕ

Снежные хлопья обряжали приземистые мазанки аула в однообразный белый наряд, прохожие вздыхали ногами пушистые перемёты на дорогах. Свежая колея спустя пару часов бесследно исчезала под новым натиском снегопада. В такую непогоду меня угораздило оказаться в этом селе и застрять в нём надолго. Я был здесь по незначительному делу, а вернее, за компанию с коллегой – художником-оформителем Оразом, который взял меня попутчиком в свой «Жигулёнок» шестой модели. Задержались мы здесь вовсе не из-за снегопада – грейдеры регулярно выходили на трассу и расчищали её. Мы здесь застряли по милости Ораза.

Да и как иначе скажешь. Только соберёмся ехать в свою Сергеевку, как Ораз опять хлопает себя по лбу пухлой ладонью:

– Постой, я забыл ещё проведать аксакала. Беймбесту на следующий год по его подсчётам будет стольник. Раньше бумаг не выдавали, он точно не знает. Это мой дальний родственник, он из нашего жуза. Заскочим-ка к нему...

Это был уже третий по счёту поход в гости. Мы совсем недавно крепко отобедали у старшего брата Ораза – сли беспармак, как и полагается, с круглого блюда руками. Запивали из пиалушек сурпой. Да и водочка лилась рской. В огромного Ораза яства с напитками уходили как в бочонок, я просто поражался этому.

Когда наконец на улице Ораз стал прогревать машину, я обрадовался, что скоро двинемся в путь. Скоро навалятся сумерки, а ехать ночью в такой снегопад не очень-то приятно. Я поторапливал Ораза и совсем не ожидал, что он вспомнит про этого аксакала.

Пришлось смириться с участью ещё пару часов провести в гостях. Скоро машина въехала в широкий без всякой ограды двор и остановилась у сеновала. Залаяла собаками в раскрытую дверь база – приземистой пристройки с плоской земляной крышей – выскочила куча детворы. Детей было так много, что их трудно было пересчитать. Они сразу обрадованно заголосили:

– Дядя Ораз приехал!

Мы вышли из машины, кто-то из детей уселся на наши места, прискакивая на мягких кожаных сиденьях, и даже пару раз бибикнули. В окружении гомонящей свиты мы зашли в жарко натопленный дом.

– О, аке! – раздались со всех сторон радостные возгласы. Хозяева умилительно оглядывали грузного Ораза и с интересом косились на меня.

– Это мой друг, вместе работаем, – сразу представил меня Ораз.

С нас стали стаскивать полушубки, и вот мы снова в который раз поджав ноги сидим на корточках за дастарханом. Я, чтобы не обидеть хозяев, ем через силу, но они это замечает:

– Почему твой друг плохо кушает? Невкусно приготовлено или он брезгливый?

– Нет, – заступается за меня Ораз. – Он абориген, к нашей еде привык.

– Мы уже были в гостях, – пускаюсь я в объяснения. – Там плотно покушали.

– У кого? – начинают выяснять хозяева.

Ораз называет имена, все дружно повторяют их с одобрением – это тоже родственники. Мне начинает казаться, что весь аул состоит из одних родственников. Почти столетний аксакал полулежит на мягких

подушечках, разбросанных на кошке. Он почти не участвует в разговоре, так как русский язык знает плохо, он лишь улыбается, при этом становятся видны три сохранившиеся передних зуба, два вверху и один внизу.

Наконец мы еле встали из-за низкого круглого стола. На улице уже стемнело. Снежинки продолжали свою круговерть. Попрошавшись с хозяевами, мы выехали из двора и поехали, преодолевая перемёты, на край аула к трассе. Вдруг возле крайнего дома Ораз опять остановил машину.

– Заскочу на пять минут к другу, вместе служили. Я его не видел три года.

– Знаю я эти пять минут! – попытался я возмутиться. – Мы сегодня уже точно не выберемся отсюда, а завтра понедельник, ты не забыл?..

Ораз меня не слушал. Он стал стучать в ближнее светящееся в темноте окно. И вот нас снова усаживают за стол. Я уже не могу смотреть на еду, умоляюще похлопываю себя по переполненному животу:

– Я не могу даже чай пить...

Ораз же как ни в чём ни бывало начинает уплетать сочную баранину, подчищая своим языком жирные потёки на запястьях.

– Вон Ораз кушает, а ты не хочешь, – увещевали меня хозяева. – Он же может...

– Да мне просто некуда!

В полночь мы всё-таки отправились в путь, хотя нас и хотели оставить на ночлег. Ораз осовело глядел на кусок заснеженной дороги, выхваченной фарами. Дворники сметали со стекла надосдливые

снежинки. Временами Ораз как бы засыпал на ходу и не слышал моих вопросов. Приходилось его время от времени толкать в бок.

Мы уже ехали второй час, а Сергеевки всё не видно было на горизонте.

– Что-то мы слишком долго едем, – сказал я. – Дай-ка посмотрю.

Я вышел из машины и увидел, что мы завязли на мосту в двух шагах от Сергеевки. Машина лежала брюхом на спрессовавшемся сугробе, задние колёса крутились вхолостую. Что интересно, Ораз все последние полчаса усердно рулил на одном месте, хотя мы уже давно должны были находиться дома.

– Если бы я не вышел, ты бы, наверное, до утра рулил на мосту, – посмеялся я от души над своим другом Оразом.

«РЕСТАВРАЦИЯ»

Как и предчувствовал Николай, придётся ему побегать за своими же деньгами. Он закончил уличные стенды для нового ГПТУ на неделю раньше, а директор волынит – не подписывает акт приёмки. Надоело уже слоняться по училищу. Хорошо, секретарша Алёнка просветила – шепнула ему по секрету нечто. Она передала разговор директора Сакена Сабитовича с главбухом Анной Семёновной. Мол, не слишком ли жирно ему за два месяца заколотить сколько бабок, сколько получают они за год. Позавидовали, теперь будут тянуть резину.

Николай каждый день приходил в училище, требовал свои деньги. Сумма была заранее оговорена, эскизы утверждены, всё честь по чести. Да и корпел он целыми ночами. А теперь находятся самые смехотворные причины, чтобы ему не выплачивать положенное.

Особенно возмутило Николая то, что в один прекрасный день его стенды вынесли из кладовки и водрузили на уличные каркасы. Училище расположено на центральной улице, все прохожие приглядываются к новым стендам, сверкающим свежей масляной краской, а он до сих пор остаётся при своих интересах. Сколько вбухал денег в краску, а волоките не видно конца.

В поисках директора Николай зашел в спортзал, где Сакен Сабитович частенько разминался, играя в волейбол со случайно составленной командой. Если он стоял у сетки, отбить его мяч было практически невозможно – на него играл его богатырский рост. На этот раз Николай не застал здесь директора. От нечего делать он подошёл к боксёрской груше, надел перчатки и стал барабанить по спортивному снаряду, срывая на нём свою злость. Оценив его профессиональные удары, физрук спросил:

– Наверное, плотно занимался этим?

– Я хочу набить морду вашему директору, – поделился с ним своей идеей Николай. – Не хочет платить за наглядную агитацию.

– У нас только одна пара перчаток, – пояснил физрук.

– Ладно, завтра принесу из дома свои...

На другой день Николай принёс в спортивной сумке свои перчатки и снова направился в спортзал училища. Как и следовало ожидать, Сакен Сабитович в майке преспокойно гонял по воздуху волсйбольный мяч, опять не подписав акт приемки стенов. Николай надел перчатки и стал намеренно неумело бить по груше. Физрук в душе усмехнулся, разгадав его тактику. Вчера он навёл справки, и оказалось, что Николай в прошлом профессионально занимался боксом и ему даже дали кандидата в мастера спорта за победу на областных соревнованиях.

Заметив его беспомощные упражнения, Сакен Сабитович не удержался и подтрунил над ним:

– Неправильно бьёшь.

– Тогда давай с тобой посоревнуемся, – тут же предложил ему Николай и указал на вторую пару перчаток. Все выжидательно посмотрели на директора, который был килограммов на двадцать тяжелее Николая. И директор стал охотно надевать перчатки, предчувствуя бесплатную потеху. Ему, как никак послали вызов, надо на него ответить, вон сколько свидетелей... Как и полагалось, выбрали секунданта и засекли время.

Оба встали в стойку. Николай для начала пропустил серию ударчиков директора, принаравливаясь к его манере. Тот воодушевился, ведь в зал вошла главбух Анна Семёновна и стала

«болеть» за него. И тут Николай нанёс ему в лицо пару мощных ударов.

У того потемнело в глазах, и он всё понял.

С ним сейчас разделяются как с цыплёнком. Директор стал отступать, он уже был далеко за линией воображаемых канатов. Николай загнал его в угол спортзала, прижал к стопке борцовских матов и профессионально отправил в глубокий нокаут. Так как пять положенных минут давно прошли, главбух Анна Семёновна запричитала:

– Это драка! Я сейчас вызову милицию...

Пришлось Николаю спешно снимать перчатки. Очнувшись, директор прямо в майке и кедах поднялся к себе в кабинет, бросив секретарше:

– Ко мне никого не пускать, я занят...

Алёнка успела заметить, что у шефа покраснел правый глаз и разбита губа.

После этого случай Сакен Сабитович объявил Николаю настоящий негласный бойкот, – выкусишь у меня! Совсем отказался принимать его, ссылаясь на неотложные дела, а вышколенная Анна Семёновна намекала художнику, что расценки договора завышены, его надо пересматривать в сторону уменьшения суммы.

Тогда Николай предпринял рискованный шаг. Запасшись гуашью, он под покровом темноты на каждом из своих стендов намалевал круги, кресты и просто каракули. С утра его телефон стал раскаляться от звонков возмущенного директора училища. Он кричал в трубку:

– Это твоя работа? Зачем испортил стенды?

– А зачем вы их вывесили? – резонно отвечал Николай. – Акт приемки не подписан.

– Мы на тебя подадим в суд, – грозил директор.

– Пожалуйста! Стенды не оплачены, я имею полное право вносить в них любые изменения.

– Это ты называешь изменениями?

– Любой худсовет поддержит меня.

У Николая действительно были связи в худсовете.

– Завтра приезжает комиссия из Алма-Аты. Срочно восстанавливай стенды, иначе с меня голову снимут, – понизил градус милой беседы директор.

– Можно. Однако реставрацию вы будете оплачивать мне дополнительно...

Теперь директор был согласен на любые условия.

Спустя пару часов Николай явился в ГПТУ с тяжелой сумкой. Его сопровождала свита из подмастерьев. В мастерской уже были составлены срочно снятые со своих мест стенды. Первым делом Николай принёс из бытовки пару ведер воды. Потом он закрыл дверь на швабру и вместе с помощниками стал... смывать гуашевые каракули со стендов. Вся «реставрация» заняла не более получаса, стенды моментально высохли от влаги.

Николай раскрыл свой баул, и все увидели, что он полон спиртным и различной снедью. Он решил закатить пирушку для своих помощников. «Заряжались» до самой ночи, а потом кого-то растащило плясать. Николай принёс из красного уголка баян и вручил его одному из своих подручных Олегу, который иногда шабашил на местных свадьбах тамадой. Тот пошире растянул меха и громко запел женским голосом:

Я плясала, я плясала,

Тапочки протёрла.

Меня мама кочергой

С улицы пощёла...

В полночь Сакен Сабитович позвонил сторожу:

– Ну как они там? Работают?

– Закрылись и работают. Только я одного не пойму. Никакие женщины не заходили, а сейчас поют песни. Откуда они там взялись?..

– Ладно, пусть поют. Лишь бы к утру сделали работу...

Всё закончилось тем, что директор выплатил-таки всю сумму по договору, а Николай ещё и подначивал:

– Скажите спасибо, что не взял с вас за реставрацию!..

СТЕНГАЗЕТА

Жил я когда-то в Сергеевке, где находилась центральная усадьба. Работал художником-оформителем. Такой штатной единицы не было, и меня провели строителем одного из совхозов. Я находился под патронажем парторга Александра Павловича Егоркина. Он давал мне задания рисовать в стенгазете карикатуры на проштрафившихся. Обычно он поступал так. Ведёт меня в мастерскую и там украдкой показывает пальцем на механика. Значит, того надо «изобразить» в следующем номере стенгазеты. Я пытался возражать:

– Со мной уже люди перестали здороваться...

– Ничего! – Утешал он меня. – У тебя такая должность...

Однажды я с подачи парторга нарисовал в стенгазете главного бухгалтера и экономиста. Они должны были выдавать зарплату на рабочих местах, но ленились выезжать на участки. Поэтому в день получки со всех сторон стекались в контору люди с вилами и лопатами.

Я изобразил главбуха и экономиста поистине недоступными небожителями – с крылышками. Едва вывесил стенгазету в конторе, подошёл главбух и демонстративно сорвал её. Мало того, объекты критики вдвоём побежали в райком партии жаловаться на меня первому секретарю, Герою соотруда Есиму Шайкеновичу Шайкину. Тот дипломатично утешил жалобщиков, что разберётся с этим вопросом. А потом вызвал к себе председателя народного контроля и сказал ему, указывая на свёрнутый рулон:

– Вывесишь это в фойе райкома партии.

И даже включил меня в группу народного контроля.

После этого главбух с экономистом хотели подвести меня под сокращение штатов, мол, зачем нам такой художник?..

Многих земляков мне приходилось изображать в стенгазете. Я не переставал удивляться отсутствию чувства юмора у подавляющего большинства. Казалось бы, посмейся над собой, минута смеха заменяет стакан сметаны. Но все почему-то кровно обижались. Один руководитель среднего звена даже сказал мне в сердцах:

– Ты человек ненадёжный, можешь любому подложить свинью...

Александр Павлович неизменно утешал меня, читая нотации, что критика необходима в любой сфере деятельности как средство от застоя. Он любил повторять эти прописные истины. Но когда дело коснулось его самого, он повёл себя очень даже оригинально.

Вообще парторг Егоркин был своеобразной личностью. Когда ему директор местной школы жаловался на то, что слишком много развелось двоечников, тот приводил такой убийственный резон:

– Что вы волнуетесь? Это даже хорошо. Чем больше двоечников, тем больше трактористов. У нас людей не хватает...

Он имел в виду то, что двоечники не поступят в институты и не уедут отсюда.

К Новому году мне поручили оформить как можно смешнее праздничную стенгазету. Я долго ломал голову и вспомнил, что в Сергеевке есть ансамбль «Русская берёзка», где участницы все как на подбор дородные, весом с центнер. Я изобразил этих великанш, которые ну никак не напоминали стройные берёзки. И ещё пририсовал парторга с длинной шеей и клювастой головой. Парторг длинными руками обнимал всех пятерых участниц ансамбля. Если пояснить, что у Егоркина была кличка Гусак за слишком высокий рост, можно представить себе, каким он получился узнаваемым на карикатуре.

Едва Егоркин взглянул на стенгазетовскую карикатуру, как сразу вызвал меня к себе в кабинет. У него улетучился весь юмор.

– Какого хрена ты меня нарисовал? – Сразу накинулся он. – Сейчас женими! Люди могут неправильно понять.

Я отказался, не убоявшись испортить с ним служебных отношений. Ведь он всегда хвалил меня за любые дружеские шаржи на всех вокруг. Но тут была затронута его персона.

Егоркин вышел в коридор и сам попытался сорвать газету. Но толпившиеся в конторе женщины не дали ему сделать этого – они дружно оттеснили его от стенда...

БЫЛ БЫ ПЕРВЫМ

В «Сергеевке», как и в других регионах целинного края, после посевной кампании обычно устраивали соревнования по лёгкой атлетике – для тех, кому за сорок. На этот раз в них решил принять участие сам парторг Александр Павлович Егоркин. Накануне он похвалялся в конторе, что когда-то был разрядником, и теперь всем покажет.

За Сергеевкой была разбита беговая дорожка. В день соревнований и стар и млад высыпали на улицу. На автобусах прибывали гости из разных мест, вплоть до животноводческих отделений. Автобусы выстраивались в ряды, прибыли автолавки, которые предлагали собравшимся прохладительные напитки и разную съедобную мелочь.

В назначенное время члены жюри заняли свои места за поставленными встык столами, накрытыми красным сукном.

Вот к месту старта стали стекаться участники кросса, которым предстояло пробежать три километровых круга. Среди всех выделялся своим ростом жердеобразный парторг Егоркин. Он единственным нацепил майку с нашитым на спине номером, остальные были в простых футболках. Егоркин, деланно разминаясь, молодежато приседал и разбрасывал в стороны свои мохнатые ноги орангутанга. Всем своим видом он демонстрировал что не даст никому спуска.

Вместе с Егоркиным принимал участие в кроссе другой высокопоставленный чиновник – председатель рабочего комитета Константин Борисович, который снисходительно смотрел на ярые приготовления коллеги.

Судья поднёс к глазам секундомер, участники забега пригнулись наизготовку. Отмашка рукой – и замелькали в воздухе кроссовки.

Вперёд сразу вырвался длинноногий Егоркин, он из последних сил старался не пропустить никого вперёд, чего бы это ему ни стоило. Собравшиеся болельщики, видя такую картину, дружно засканировали, поддерживая лидера кросса: - Егоркин! Егоркин!

Тот на исходе дыхания преодолел первый круг и понял, что дальше просто выйдет из строя самым неподобающим образом. А это будет здоровенным ударом по его самолюбию. Он не только приплетётся последним, но вообще может где-нибудь рухнуть в траву.

Пришлось ему срочно прибегнуть к хитрости. Когда он поравнялся со столами, за которыми восседали члены жюри, он сделал вид, что споткнулся и упал. Тут же к нему кинулось несколько человек, стали поднимать его и жалеть, причитая:

– Ой, ой, ой! Вы не ушиблись?..

Егоркин снял правый кроссовок, перевернул и стал бить им по ладони:

– Кажется, камешек попал. Если бы не он, я бы продолжил забег. Как жаль!..

Конечно же, никакого камешка из кроссовка не выкатилось, это все прекрасно заметили.

Теперь вперёд вырвался председатель рабочего комитета, и зрители стали дружно сканировать его фамилию. Егоркина, аж скривило, словно от зубной боли.

Константин Борисович пришёл вторым. После кросса парторг Егоркин подошёл к нему и как ни в чём ни бывало сказал:

– Если бы не камешек, ты бы пришёл третьим. А я – первым...

НАХОДЧИВОСТЬ

Вспоминается ещё один забавный случай с участием парторга Егоркина. Как-то накануне жатвы прибыл из обкома партии уполномоченный – проверять готовность полевых станов. Егоркину очень не хотелось, чтобы инструктор обкома нагрязнул в пятую комсомольско-молодёжную бригаду, где ещё не успели обновить наглядную агитацию. Но приезжий, просмотрев список бригад, решил в первую очередь ехать с проверкой именно туда.

На полевом стане обкомовец увидел, что уличные стенды давно выгорели и не соответствуют злобе дня. Он недовольно повертел носом и что-то занёс в свой блокнот. Теперь жди взбучки «в верхах» да ещё при всём честном народе.

Едва уполномоченный усхал, Егоркин вызвал меня и сказал:

– Готовь краски, поедem в пятую. Надо за ночь обновить стенды. Оплатим сверхурочные.

Я не понял такой спешки. Уполномоченный всё равно раскритикует положение дел в пятой бригаде, раз уж попались. К чему теперь спешка? Очень не хотелось всю ночь не смыкать глаз, когда все вокруг будут храпеть.

– Сильно не старайся, – давал мне наставления Егоркин. – Кое-где поднови краску, поставь новые цифры соцобязательств.

Пришлось выручать парторга. Наутро он приехал на своём «каблучке» в пятую, увидел, что стенды уже висят на своих местах и сказал мне доверительно:

– Сейчас поедem в гостиницу, где остановился инструктор. Я буду врать, а ты только не смейся...

Уполномоченный ещё не успел уехать. Егоркин резво подошёл к нему и выпалил:

– Вот вы вчера критиковали пятую бригаду за наглядную агитацию. Я с этим не согласен.

– То есть как? – Не понял обкомовец. – Там не подготовлен ни один стенд.

– Вы, наверное, ошиблись, – напирал Егоркин. – Там всё в порядке. Можем даже съездить.

Вопрос был принципиальным. Подвергались сомнению результаты проверки. А отсюда недалеко и до подозрения в некомпетентности самого проверяющего.

Пришлось снова отправляться в пятую бригаду. Едва подъехали к полевому стану, инструктор обкома увидел, что все стенды сияют свежей краской, ни к чему не придерёшься.

– Я же вчера был здесь, – растерялся было обкомовец. – Помню эту дамбу. Да и в столовой пересгорели все лампочки...

Зашли в столовую, включили свет. Все плафоны исправно горели – лампочки тоже заменили ночью.

– Вы, наверно, спутали с той бригадой, – указал Егоркин на горизонт, где виднелась бригада соседнего района.

Инструктор обкома, конечно, понял, что ему морочат голову, но не стал составлять отрицательную докладную. Благодаря находчивости парторга.

ЗАРЯД ДРОБИ

Косолапов начал строить в Сергеевке новый дом. Стены были готовы, осталось настелить полы и вставить окна. Но вот незадача, у него стали пропадать половые доски, которые штабелем лежали во дворе. А до этого сильно убавилась в размерах куча цемента. Косолапов попросил у знакомого ружьё и решил по ночам сторожить своё добро.

Когда сгустились сумерки, в пустую глазницу окна он заметил, что доски во дворе странно зашевелились. Косолапов прикрикнул:

– Эй, кто там? Стрелять буду...

В ответ из темноты вылетел массивный камень и шмякнулся в стену.

– Вы ещё кидаетесь! – взвился Косолапов. – Ну сейчас я вам!..

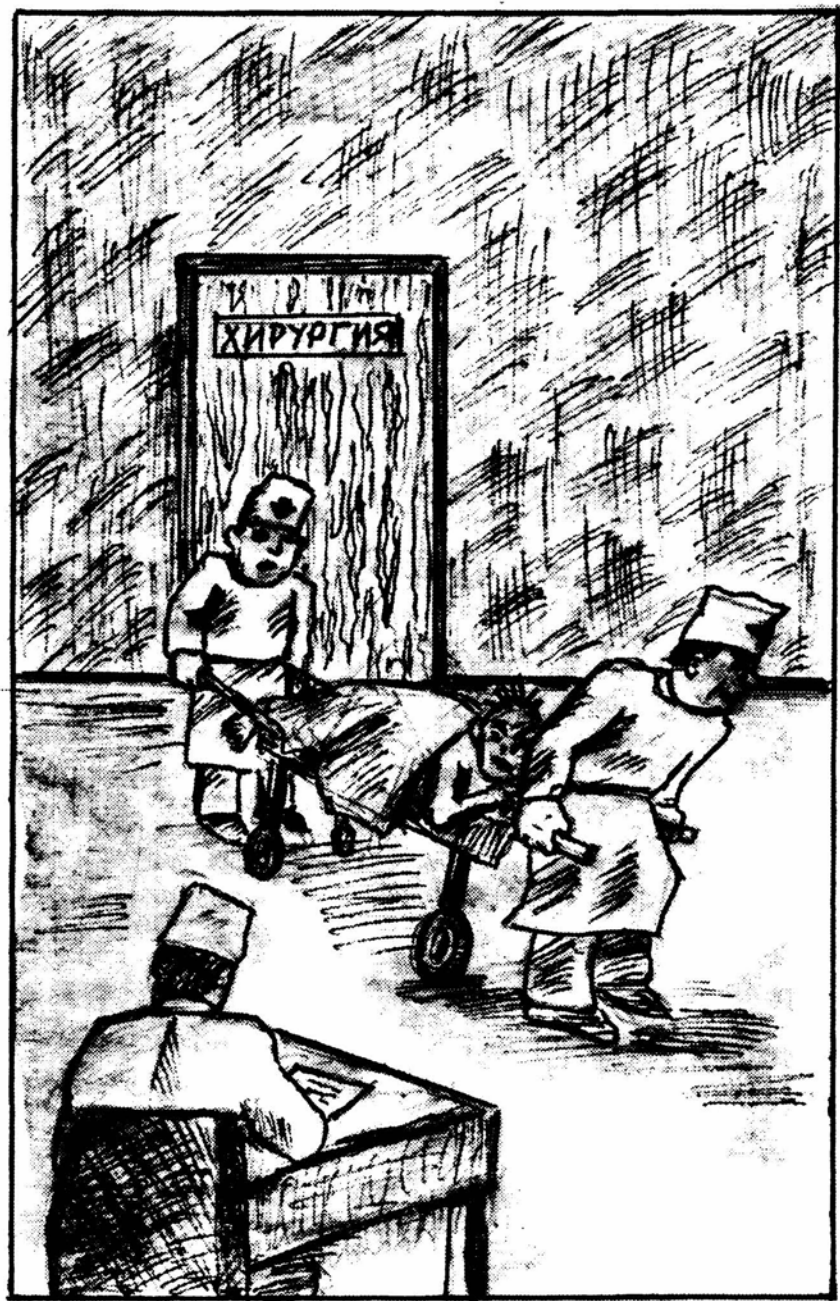
Он выбежал во двор с ружьём наперевес. В него снова полетели камни. Тогда он наугад пальнул. В темноте сначала раздался чей-то вопль, потом дробно застучали быстрые удаляющиеся шаги.

Только тут Косолапов опомнился. Он ведь мог подстрелить человека, если уже не сделал этого.

Утром он нашел знакомого участкового и на всякий случай рассказал ему о ночном происшествии, вдруг это зачтётся ему как явка с повинной. Участковый, выслушав его, умудрённо хлопнул себя по коленкам:

– Давай сделаем так. Пока не будем фиксировать этот факт. Если до сих пор никто не пришёл в милицию, значит, всё нормально. Скорее всего, сами потом объявятся.

Через какое-то время к Косолапову в новый дом, который он достраивал, заявили гости: Аскар с Ерболом. Они достали из сумки

спиртное и спросили хозяина:

Можно мы тут разопьем это? Присоединяйся к нам! У нас есть и шкуса.

Они стали усиленно угощать Косолапова, хотя никаких причин для этого не было. Он решил быть начеку: что-то здесь не так.

Когда «раздавили» вторую бутылку, Аскар неожиданно сказал:

Знаешь, ты подстрелил нашего товарища.

Теперь всё стало на свои места. Косолапов понял причину такого хлебосольства. Он пошёл в контратаку:

– А зачем вы ночью воруете?

Гости замяли разговор. Допили водку, а потом Аскар заявил:

– Послешь с нами в районную больницу.

– Это зачем ещё?

– Там лежит наш товарищ. Надо выковырять из него твои дробинки.

– Это уже не мои проблемы.

– Мы еле уговорили хирурга, чтобы он не сообщал в органы. Надо, чтобы ты всё подтвердил. Быстро скатаем тебя на «Жигулёнке».

Пришлось Косолапову ехать в районную больницу. Раненого как раз готовили к операции. Хирург выслушал Косолапова и сказал:

– Верю. Но всё равно положено сообщить об огнестрельном ранении в милицию. Иначе у меня могут быть неприятности.

– Да нельзя ему, – Аскар указал на лежащего на каталке пострадавшего. – Он недавно вернулся из зоны условно-досрочно. Опять начнут задавать разные вопросы. Скажут, снова взялся за воровство.

– Ладно, – согласился хирург, выразительно посмотрев на просителей. – Напишу в истории болезни, что сел на ржавые гвозди.

После того, как хирург выковырял из мягкого места пострадавшего четыре дробины, его вывезли из операционной на каталке животом вниз. Предупреждая желание друзей увезти раненого домой, хирург безапелляционно отрезал:

– Только стационар!

Когда Косолапова везли на том же «Жигулёнке» домой, его новые знакомые разоткровенничались по дороге:

– Хирург за каждую дробицу взял по бутылке коньяка. Да ещё дали ему конины.

Вспомнив про только что прооперированного друга, захохотали:

– После твоего выстрела он так припустил по улице, что мы не могли его догнать. А потом видим, лежит возле своего дома...

СОДЕРЖАНИЕ

Я сделаю проще.....	6
Вождь племени Мумба-Юмба	22
Езда на месте	25
Реставрация	30
Был бы первым.....	38
Находчивость	41
Заряд дроби.....	43

**Сергей Анатольевич
Топоров**

ПОЛОСЫ ЖИЗНИ

Рассказы

Иллюстрации автора

Подписано в печать 25.05.06 Формат 64x84 1/16
Бумага 80 г/м2. Печать оперативная. Гарнитура
Тираж 500 экз. Заказ № 186

Издательство ИП Загурский С.Б.

Отпечатано в Копировальном центре
ИП Загурский С.Б., г. Омск, ул. Лермонтова, 8, т. 31-12-77, 31-35-75

Сергей Анатольевич Топоров родился 31 марта 1953 года в селе Пресновка Жамбыльского района Северо-Казахстанской области.

Учился в Пресновской средней школе. После восьмого класса работал токарем.

Продолжил образование в школе рабочей молодежи. В 1971-1973 г.г. служил в армии.

После службы окончил Челябинское художественное училище. В Северном Казахстане работал по специальности художник-оформитель.

С 1997 г. Проживает в Омске.